

щих волю, выносливость, решительность, уверенность, настойчивость и упорство в достижении цели, формировали в мальчике маскулинный тип с присущими ему качествами.

Таким образом, в традиционной культуре тюркоязычных народов Дагестана одним из важных моментов в воспитании было развитие и закрепление у детей гендерных стереотипов «мужественности» и «женственности», т.е. формирование представлений о маскулинности и андрогинности (феминности).

Библиография

1. *Захаров А.* Домашний и социальный быт женщины у закавказских татар // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1894. Вып. 20.
2. *Гимбатова М. Б.* Культура поведения и этикет ногайцев в семейном и общественном быту. Махачкала, 2007.
3. *Хиясова С. Г.* Духовно-нравственное воспитание на основах традиционной морали народов Дагестана // Вопросы дагестанской культурологии и религиоведения. Махачкала, 2006.
4. *Гаджиева С. Ш.* Кумыки: Историческое прошлое, культура, быт. Махачкала, 2005. Кн. 2.

А.-М. М. Дударов

МЕХК-КХЕЛ И ТЕРЕ — ИДЕНТИЧНЫЕ ФОРМЫ УПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНЬЮ У ИНГУШСКОГО И КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО НАРОДОВ¹

В древнеингушских политических образованиях существовали демократические формы правления. Во главе таких государственных образований стояли военные вожди. Они были по-

¹ Редакционный совет сборника считает необходимым отметить, что далеко не во всем разделяет интерпретации и аргументы автора.

строены на основе военно-демократической формы правления во главе с общим для всего народа парламентом страны — *Мехк-Кхел* (ингуш. «Совет (судьба) страны»). Он «собирался в исключительных случаях и выносил решения, обязательные для всех...» [1, с. 55], а на время военных действий избирал военного вождя — руководителя страны.

Этот орган не только занимался внутригосударственным обустройством, но и заведовал практически всеми внешнеполитическими действиями государства. Это был своего рода законодательный и судебный орган страны с совершенными законами. О коллегиальности принимаемых решений в *Мехк-Кхел* пишет Р. С. Хаутиев: «В состав “Мехк Кхел” входили наиболее мудрые представители тейпов, родов, фамилий, существовавших тогда. Решения принимались коллегиально и носили обязательный для всех членов общества характер» [2, с. 81].

В древности ингуши разработали одну из самых совершенных форм демократического государственного управления и правосудия для равноправных граждан. Об ингушском правосудии Б. К. Далгат писал: «“Дикари”-ингуши некогда приблизились к тому идеалу правосудия, до которого не смогут мечтать прийти когда-либо цивилизованные народы мира» [3, с. 114].

По мнению ингушского исследователя Б. М.-Г. Харсиева, *Мехк-Кхел* у ингушей обладал тремя функциями государственной власти — законодательной, судебной и исполнительной. *Мехк-Кхел* имел отдельное сборное место. Помимо общего института управления «страной», внутри каждого ингушского общества существовал собственный *кхел*, подчинявшийся *Мехк-Кхел*. «Как высший орган управления, *Мехк-Кхел* занимался в историческом прошлом народов Северного Кавказа и межнациональными отношениями» [1, с. 57].

Вплоть до начала XX в. *кхелы* у ингушей разбирали «межродовые конфликты, дела об убийствах, ранениях, оскорблениях, похищениях невест, ссорах из-за имущества и о воровстве <...> Разбору в *Мехк-Кхел* подлежал довольно широкий круг вопросов. На нем старшины решали дела, связанные с землевладением и общественной жизнью, устанавливали цены на определенные товары, скот» [4, с. 68–69].

Одним из известных исторических мест проведения Мехк-Кхел в Ингушетии, где велись заседания своеобразного народного совета-парламента, являлась, по свидетельству И. Попова, гора Муйт-кер (Муйт-корт. — *А.-М. Д.*). «Со стороны Аккинского общества на склоне этой горы есть большой плоский камень, который служил как бы трибуной для председателя таких совещаний представителей...» [1, с. 57].

Анонимный автор, скрывавшийся под псевдонимом «Галгай», сообщал, что «народ галгай делится на отдельные фамилии и, по обычаю, в республиканском духе, одна из нескольких фамилий признавалась главою вечного союза галгайцев, а аулы этих фамилий признавались сборным местом. Такими сборными местами у народа галгай являлись: в ущелье реки Ассы — аул *Уги-Кал* (Эги-Кал. — *А.-М. Д.*), а в ущелье реки Галми — аул *Онгушта*. В первом происходили сборы в случае внешней опасности с юга <...> а во втором — в случае такой же опасности с северо-запада» [5, с. 49].

Об оригинальной законодательной и судебной системе ингушей в древности пишет и Н. Д. Кодзоев. «В Ингушетии судебная система формировалась с глубокой древности <...> До включения Ингушетии в состав России ингушское общество управлялось через суд обычного права — мехк-кхел, который представлял собой в одном лице законодательную и судебную власть». Этот же автор утверждает, что «у каждого общества был свой местный мехк-кхел» и что «вопросы, касающиеся всего народа, решались на общенародном мехк-кхеле, который заседал у храма Тхаба-Ерды» [6, с. 30].

Таким образом, мы имеем четыре центра общенародного заседания Мехк-Кхел — гора Муйт-корт (И. Попов), аулы Эги-Кал и Ангушт (Галгай) и Тхаба-Ерды (Н. Д. Кодзоев). Есть предположение, что другими местами заседаний ингушского Мехк-Кхела являлись гора Мят-лоам (Столовая гора), на которой находился храм Мятсели, аул Чми, являвшийся центром Тагаурии Северной Осетии, и Санибанское ущелье со святилищем Саниба-ерд (совр. Северная Осетия), которое «считается родиной ингушских нартов и самих ингушей» [7, с. 27].

Безусловно, в силу изменявшихся политических обстоятельств каждое из этих горных мест являлось центром проведе-

ния заседаний общенародных избранных *кхелхой* в разные периоды истории Ингушетии.

Несомненно, что до своего разрушения таким же центром проведения Мехк-Кхел являлась столица средневековой Ингушетии–Алании — Магас. После гибели «Города солнца» (именно так Магас переводится с ингушского языка) центры наиболее значительных ингушских обществ равнинной и предгорной зон также являлись местами общенародных заседаний: Ангушт, Заур-ков (на месте которого был основан Владикавказ), Наьсаре и др.

Если сравнить ингушский Мехк-Кхел с карачаево-балкарским *Тере*, то мы найдем между ними много общего. Судя по работе Х. Х. Малкондуева «О балкаро-карачаевском Тере», он «представлял автономный источник саморегуляции общества, единственную централизованную силу, влиявшую на все стороны жизни <...> Являлся символом справедливого порядка в обществе, в трудных и сомнительных ситуациях его санкция придавала законность принятым решениям». Со ссылкой на М. Абаева Х. Малкондуев приводит данные об общенародном Тере, в котором принимали участие не только представители Балкарии, но и Карачая и Дигории [8, с. 57].

Значение термина «тере» исследователь связывает с карачаево-балкарским *тер*, которое, как свидетельствует автор, «означает почетное место в доме или святое место» [8, с. 57]. Мы считаем, что этимология термина *тер* на карачаево-балкарском имеет схожее значение с ингушским *тлер*, означающим «над», «верх», «верховность», «правление» (например, ингушское выражение *тлера доал* — «правляющая власть»). Таким образом, форма правления Тере у карачаево-балкарцев родственна форме ингушского Мехк-Кхел, где также решались «вопросы укрепления поселений, взаимоотношений с соседними обществами, войны и мира, проводили сбор средств для общественных нужд и т.д.» [4, с. 69].

Это нас наталкивает на мысль о том, что в недалеком прошлом все население Центрального Кавказа имело общую форму правления, основанную на демократических началах. Тере, как и Мехк-Кхел, — «высший выборный орган, регулирующий политическую и общественную жизнь средневековой Балкарии», на

который «была возложена ответственность за судьбу страны и народа, чьими интересами он и руководствовался» [8, с. 58].

Интересно также название членов Тере — *теречи*, где *-чи*, на наш взгляд, также имеет ингушскую основу в значении «внутри», например: ингуш. *чи* — «внутри», а *че* — «нутро». Т.е. карачаево-балкарский «тереч» не что иное как ингушское *т1ере-ч* в значении «(входящий) в Тере».

Приводится у Х. Х. Малкондуева и термин *ныгыш* (сравните с иронским *ныхаш*) — «площадь, где сходились взрослые мужчины» и «кандидатуры <...> утверждались решением сельского схода». Мы считаем, что карачаево-балкарский «ныгыш» (равно как и иронский «ныхаш») имеет в своей основе ингушское «нах» — люди, а *-ш* // *-аш* // *-иш* — показатель множественного числа в ингушском языке.

Приведем также и название «общешельного совета» карачаево-балкарцев — *Гитче Тере* [8, с. 58], где выбирались члены Тере. Мы считаем, что *гитче* также связано с ингушским языком и производно от ингушского названия схода народа — *кхетче*, которое состоит из двух основ: *кхет* в значении «встретиться» и *-че* в значении «нутро», «место». То есть кар.-балк. *гитче* и ингуш. *кхетче* объясняется на ингушском языке как «место встречи».

Как мы показали, у карачаево-балкарского и ингушского народов управление обществом имело идентичные формы. Также мы выявили этимологическую связь карачаево-балкарского «Тере» с ингушским языком. Все это в совокупности свидетельствует о том, что не только в древний, но и в средневековый период в целом население Центрального Кавказа могло составлять единый этнический массив.

Библиография

1. Харсиев Б. М.-Г. Ингушские адаты как феномен правовой культуры. Назрань, 2009.
2. Хаутиев Р. С. Современный ингушский парламентаризм // Вопросы истории Ингушетии. Магас, 2005. Вып. 3.
3. Далгат Б. К. Первобытная религия чеченцев и ингушей. М., 2004.

4. Мужухоева Э. Д. Организация управления Чечено-Ингушетии в 40-60 гг. XIX в. // *Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XIII — начало XX в.)*. Грозный, 1982.
5. *Галгай*. О галгаях // *Кавказский горец*. Прага, 1924.
6. *Кодзоев Н. Д.* Судебная система Ингушетии в XIX в. — 1917 г. // *Вопросы истории Ингушетии*. Магас, 2005. Вып. 3.
7. *Семенов Л. П.* Археологическое и этнографическое изыскания в Ингушетии в 1925–1932 гг. Грозный, 1963.
8. *Малкондуев Х. Х.* О балкаро-карачаевском Тере // *Мир культуры*. Нальчик, 1990.

А. Д. Эльмурзаева

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ТРАДИЦИОННОЙ СВАДЬБЕ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

В совокупности свадебных обрядов народов Дагестана значительное место занимает своеобразное противостояние сторон жениха и невесты при переводе молодой в дом ее супруга. Другой цикл обрядов представлен различного рода действиями, призванными обеспечить или продемонстрировать во вновь созданной семье главенство мужа, реже — жены [1, с. 237–238; 2, с. 59–61]. По поверьям даргинцев, в семье будет «держатъ верх» тот из супругов, кто первым выхватит чурек с маслом, который им приносили в первую брачную ночь. Жених и невеста сел. Кадар старались первыми наступить на ногу другому. По Г. Ф. Чурсину, по одному гостю со стороны жениха и невесты старались перетянуть ружье, через которое, входя в новый дом, переступала невеста [3, с. 53]. У даргинцев стороны жениха и невесты перетягивали каждый в свою сторону палас [4, с. 53], а у андийцев — войлочное полотно [5, с. 49]. Оставшись наедине с невестой, даргинец трижды